

№

11

Антрактъ выходитъ еженедѣльно. Цѣна изданію—за годъ (70 №№): безъ доставки—2 р., съ доставкой на домъ въ Москвѣ—2 р. 50 к. и съ пер. въ другіе города—3 р. 50 к., за полгода: безъ доставки 1 р. 25 к., съ доставкой на домъ въ Москвѣ 1 р. 50 к., и съ пересылкою въ другіе города 2 р., за 3 мѣсяца: безъ доставки 75 к., съ доставкой на домъ въ Москвѣ 1 р. и съ пересылкою въ другіе города 1 р. 50 к. Цѣна отдѣльному экземпляру нумера 10 к. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ Антракта при типографіи И. И. Смирнова (на Никольской улицѣ), въ типографіи императорскихъ театровъ Т. Риса (у Мясницкихъ воротъ), у книгопродавцевъ: бр. Салаевыхъ, Соловьева, Черенина и Глазунова, въ магазинахъ Неродовскаго и Корещенко старшаго, въ почтамтѣ и во время спектаклей въ книжной лавкѣ Большаго театра; въ С.-Петербургѣ—въ книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова, на Невскомъ проспектѣ.

Содержаніе: Лѣтопись московскихъ концертовъ (Концерты Ф. Лауба и А. Н. Сѣрова), *Незнакомца*. Представленіе японцевъ.—Письмо въ редакцію (Артистическій Кружокъ. Драматическіе вечера. Вызовы и букеты. Г. Плещеевъ. Литературныя стрѣльцы и прочее), *Н. Е. Вильде*.—Отвѣтъ на письмо г. Вильде, *А. Н. Плещеева*.—Смѣсь (Спектакли на святой недѣль. Разрѣшеніе духовныхъ концертовъ).

ЛѢТОПИСЬ МОСКОВСКИХЪ КОНЦЕРТОВЪ.

Концерты: Ф. Лауба (7 марта) и А. Н. Сѣрова (10 марта).

Минувшая недѣля была небогата концертами; лихорадочное стремленіе многихъ артистовъ, не успѣвшихъ еще, по обыкновенію, заявить міру о своихъ талантахъ, пораждало часто забавныя qui-pro-quo; концерты отмѣнялись одинъ для другого, отлагались вовсе; многочисленность одновременныхъ заявленій убивала заранѣе всякую надежду и расчетъ, — а дни, отведенные для концертной поры, уже сочтены. Къ тому-же большая часть публики, лишася своего привычнаго развлечения, драматическаго театра, и желающая чѣмъ нибудь восполнить его недостатокъ, идетъ толпами, вмѣсто серьезной комедіи, на акробатическія представленія японцевъ; это не въ укоръ ей, но въ ущербъ концертамъ. Впрочемъ, хотя ихъ число сузилось до двухъ, но эти два стоили многихъ десятковъ однообразныхъ и пошловатыхъ продукцій.—Такіе концерты, какой былъ данъ Лаубомъ въ Большомъ театрѣ, 7 марта, имѣютъ свое цивилизующее значеніе; въ строгихъ, но вмѣстѣ пластическо-прекрасныхъ звукахъ, льющихся каскадами съ волшебной скрипки, есть что-то пробуждающее, отрезвляющее массу, навѣвающее ей много высокаго и добраго. Намъ приходилось уже, говоря о замѣчательно, но диаметрально противоположномъ таланту

Лауба, дарованіи г. Контекаго, намѣтить въ главныхъ чертахъ различіе двухъ скрипичныхъ школъ, представителями которыхъ служатъ оба названные артиста. Но, противопоставляя рьяное, порывистое исполненіе, падкое до техническихъ эффектовъ, ослѣпляющихъ толпу, строгой, высоко-добросовѣстной техники и классически-спокойному пошибу игры, мы далеки отъ мысли отрицать живое, жизненное содержаніе, которое одно осмысляетъ виртуозное исполненіе у игры скрипачей, подобныхъ г. Лаубу. Напротивъ, аттическое спокойствіе, которое охватываетъ его игру, придаетъ еще болѣе свѣтлый характеръ исполненію, тема выходитъ пѣвучѣе, прихотливая его разрисовка эффектибѣе, а контрастъ между бѣшеннымъ темпомъ иной бурной пѣсы и строгими приемами артиста, еще болѣе отгнѣняетъ ея оригинальность, подобно тому, какъ прелесть веселаго разсказа увеличивается при вдумчиво спокойномъ видѣ разскащика. Эта пластичность исполненія въ особенности располагаетъ артиста къ передачѣ классическихъ произведеній нѣмецкой музыки, въ чемъ онъ дѣйствительно почти не имѣетъ соперниковъ. Такъ, напримѣръ, никто лучше его не исполнялъ знаменитаго концерта Бетговена для скрипки съ оркестромъ, гдѣ съ такимъ совершенствомъ разработаны родныя исполнителю чешскія народныя темы; въ этотъ концертъ г.

Лаубъ вводитъ обыкновенно замѣчательныя каденцы своего сочиненія. — Въ отсутствіи подобныхъ произведеній, наиболѣе соответствующихъ его таланту можно укорить программу концерта 7-го марта; въ него не вошло ни одной пѣсы изъ классическаго репертуара, а ихъ замѣнили по большей части произведенія легкія, почти салонныя. Быть можетъ, г. Лаубъ хотѣлъ угодить этимъ выборомъ нашей, по его мнѣнію, недоразвившейся до оцѣнки произведенія высшаго разряда публикѣ; но вълѣдствіе ряда счастливыхъ обстоятельствъ въ ней уже возбуждены художественныя инстинкты и обязанности всякаго дѣльнаго музыканта содѣйствовать ихъ полному развитію, разшевелить ихъ. Г. Лаубъ игралъ въ описываемый вечеръ много собственныхъ произведеній; первую часть концерта, балладу и сальтареллу. Любовь къ исполненію своей музыки часто встрѣчается у виртуозовъ; но, къ сожалѣнію, не всегда талантъ исполнителя, хотя-бы и первой величины, соединяется съ равносильнымъ дарованіемъ композитора. Нисколько не умаляя техническаго достоинства концерта г. Лауба, мы должны сказать, что этотъ концертъ нѣсколько одноформенъ и... даже скученъ, хотя мастерски сыгранъ; очевидно, талантъ композитора лежитъ болѣе къ мелкимъ, шаловливымъ бездѣлкамъ, изъ которыхъ сальтарелла, своимъ бойкимъ колоритомъ, неожиданными переходами — прыжками и огненнымъ, завершительнымъ *presto* представляетъ собой оригинальную и до нельзя привлекательную шалость вдохновенія. Въ этомъ-же родѣ у автора есть граціозное *Rondo scherzoso*, сколько помнится еще въ разѣ не исполненное въ Москвѣ. Жаль также, что онъ не познакомилъ насъ съ своимъ искусствомъ писать для голосовъ, съ своими *Чешскими пѣснями*, въ числѣ которыхъ *Hlubice* преграціозная вещица. Концертная пѣса Раффа *La fee d'amour*, можетъ быть отнесена къ числу многихъ, быющихъ на мелочной эффектъ пѣсѣ съ разнообразнымъ звукоподражаніемъ, которыми такъ богатъ скрипичный репертуаръ; эти *Ronde des uilins* и всевозможныя *карнавалы* созданы подъ вліяніемъ замысла дать случай скрипкѣ выказать всю способность къ передачѣ малѣйшихъ движеній и звуковъ, передачѣ людскихъ ощущеній и страстей наравнѣ съ наипрозаическими явленіями окружающей природы; произведенія-же, въ которыхъ легко подсмотрѣть причину ихъ появленія, рѣдко имѣютъ внутреннія достоинства; въ *Фетъ любви* г. Раффа много волшебныхъ затѣй, слышатся различныя вѣянія, пробѣгаютъ фантастическія струйки, и сквозь возню различныхъ духовъ слышится по временамъ томная мелодія любви; но какъ далеко всѣмъ этимъ вѣяніямъ хоть-бы до берліозовской *Царицы Мабъ!* — Лучше всѣхъ остальныхъ номеровъ исполнена была г. Лаубомъ фантазія на мотивы изъ *Отелло*, другого, не менѣе знаменитаго въ свое время скрипача и соплеменника (моравана) г. Лауба, Эрста. Пѣса эта основана на сопоставленіи двухъ лучшихъ мотивовъ изъ *Отелло*, марша при приѣмѣ у дожа и извѣстной арии Дездемоны за арфой *Assisa al pie*

d'un salice; одинъ уже выборъ этихъ мотивовъ, представляющихъ поразительный контрастъ горделиваго торжества съ пѣсню безграничной тоски, уже способенъ приять жизнь любой пѣсѣ; присоединимъ къ этому старательное развитіе обѣихъ темъ, искусно сплетающихся между собою, и художественное исполненіе Лаубомъ плача Дездемоны, который былъ съѣтъ его смычкомъ до того увлекательно, что замѣтно было, что даже наша, всегда нѣсколько чопорная публика, была тронута. — Г-жа Меньшикова, участвовавшая въ концертѣ, исполнила первую сцену изъ 2-го акта *Пуританъ* и *Упа все* изъ *Севильскаго цирюльника*. Вступленіе первой арии, самая лучшая, вдохновенная часть ея была съѣта неполнѣ удовлетворительно и черезъ чуръ поспѣшно, чему способствовалъ, конечно, и г. Рубинштейнъ, слишкомъ ускорившій *andante* вступленія; но за то вторая часть, прямо противоположная предыдущей, вполне ладящая съ приданнымъ разѣ движеніемъ темпу (*allegro moderato*) и изобилующая различными фюритурными украшеніями, была исполнена очень добросовѣстно, хотя для облегченія исполненія и были произведены нѣкоторыя сглаживающія измѣненія, какъ, напр., въ эффектномъ рядѣ хроматическихъ гаммъ. Къ сожалѣнію, нельзя того-же сказать о классической арии изъ *Цирюльника*. При отчетѣ объ исполненіи отрывковъ изъ этой оперы въ бенефисъ г. Раппорта мы высказались противъ произвольной вставки пѣвицами вариаций и каденцъ собственнаго сочиненія въ оперы Россини, обилующія безъ того прелестнѣйшими образцами этого рода, идущими вполне подъ стать съ общимъ духомъ произведенія, тогда какъ дополненіе, или подражаніе является на общемъ фонѣ лишь яркой и неужной заплатой; въ описываемый концертъ г-жа Меньшикова повторила свою прежнюю ошибку. — многія ея фюритуры были не только лишены вкуса, но отталкивали своей неблагозвучностью; это тѣмъ болѣе жалко, что иныя ноты прекраснаго отъ природы голоса пѣвицы изумляютъ своей свѣжестью и звонкостью, и это несоответствіе матеріала со степенью его шлифовки постоянно напоминаетъ о необходимости пристальной и неутомимой работы надъ нимъ. Что такая работа будетъ несомнѣнно благодарною, свидѣтельствуетъ значительный шагъ впередъ, сдѣланный пѣвицей отъ перваго дебюта по сю-пору.

Г. Фровъ, познакомившій 10-го марта московскую публику со многими новыми своими произведеніями, представляетъ вполне оригинальное и характерное явленіе въ русскомъ музыкальномъ мірѣ. Впервые соединилъ онъ въ себѣ на Руси дарованіе композитора съ талантомъ литератора и критика и въ теченіе ряда годовъ велъ ожесточенную борьбу противъ витязей отживающей критики стараго покроя, разъясняя красоты немногихъ прекрасныхъ созданій русской музыки и знакомилъ спеціальными статьями и лекціями общество съ теоріей и исторіей музыки. Дѣятельность, по истинѣ, изумительная, особенно, если принять во вниманіе все отсутствіе ея поддержки со стороны публи-

ки, которую, не так давно, надобно еще было приохочивать къ серьезному взгляду на музыку! Позже, когда некоторая степень простора, открывшагося на русской сценѣ русскимъ композиторамъ, увлекла и г. Сѣрова на театральныя подмостки, онъ и тутъ остался вполне своеобразенъ: не ограничиваясь исключительно русскими новѣйшими сюжетами, онъ пробовалъ свои силы надъ воспроизведеніемъ незапамятной старины Востока, или языческой, едва обрисованной намъ исторіею, Руси и только въ последнее время переходитъ къ современной русской жизни. Вспомнимъ и въ этомъ случаѣ, что *Юдиовъ*, каковы-бы ни были ея недостатки, имѣла за собой, изъ числа оперъ нерусскаго содержанія, слабую *Эмеральду* г. Даргомыжскаго, или произведенія въ родѣ *Biggichino di Parigi* г. Теофила Толстаго.—Въ стилѣ г. Сѣрова, насколько онъ выработался доселѣ, можно уловить уже замѣтную грань, отдѣляющую періодъ подражательности отъ вполне самостоятельнаго; смѣлая новизна реформы Вагнера, мѣткая и правдивая (если не доводится до крайнихъ предѣловъ) теорія оперы, какъ музыкальной драмы, въ которой можно было отвести душу послѣ безсвязнаго сумбура, представляемаго съ этой стороны многими произведеніями новѣйшихъ западныхъ школъ, невольно увлекла за собой нашего композитора. Прельщенный совершенствомъ симфонической обработки идей и замѣчательной оркестровкой у Вагнера, г. Сѣровъ, перенесъ его пошибъ на первыя свои произведенія, упуская изъ виду, что Вагнеръ, какъ и многіе не менѣе знаменитые нѣмецкіе композиторы, забывалъ могущественнѣйшее изъ всехъ музыкальныхъ орудій, человѣчскій голосъ, дышащій жизнью и чувствомъ; онъ упускалъ изъ виду, что опера, именно какъ музыкальная драма, должна открыть въ себѣ обширное поле развитію этого фактора, что, наконецъ (пользуясь фразой, когда-то некстати прилагавшеюся къ моцартову *Донъ-Жуану*) *статуя не можетъ все время оставаться въ оркестрѣ*. Речитативъ, замѣнившій собою у Вагнера пѣвучія аріи и *motseaux d'ensemble*, вполне своеобразный и обдуманый, получаетъ особое значеніе лишь въ обдуманномъ-же, художественномъ исполненіи; для него нужны Тихачекъ, Иоанна Вагнеръ, а не пѣвцы, въ родѣ нашихъ, сжившихся до нельзя съ рубленнымъ итальянскимъ речитативомъ. Изъ голосовыхъ композицій всего болѣе удаются Вагнеру хоры, представляющіе такъ много аналогіи съ оркестровой группировкой. — Все эти особенности Вагнеровскаго опернаго стиля повторилъ г. Сѣровъ въ первый періодъ своей композиторской дѣятельности. — Представляя много красотъ со стороны оркестровки, *Юдиовъ* весьма мало пѣвуча, хотя и заключаетъ въ себѣ нѣсколько удачныхъ хоровъ, это понималъ и композиторъ, избравшій для концерта лишь два нумера изъ первой своей оперы: *Маршь Оловерна* и хоръ его рабынь. Томная мелодія послѣдняго, дышащая нѣгой и загадочностью восточныхъ женскихъ пѣсень, нѣсколько еродни по повороту рисунка *Еврейской пѣснѣ* въ *Холмскомъ*

Глинки; ея красоту не могло даже затемнить механическое исполненіе надломленнымъ, дребезжащимъ голосомъ г-жи Анненской. — *Рогнѣда* носитъ уже на себѣ слѣды большей самостоятельности; на ней уже ложится чисто національный колоритъ, народныя мелодіи, которыми композиторъ много разъ удачно воспользовался (какъ напр. въ пляскѣ женщинъ и пляскѣ скомороховъ, главная тема которой въ духѣ безыскусственныхъ напѣвовъ старыхъ пѣсень Кириши Данилова и особенно идетъ къ сѣдой русской старинѣ) обработаны вполне самостоятельно съ сохраненіемъ ладовъ, свойственныхъ народному пѣнію. Женскія пѣсни остаются повсюду женскими. — немаловажное достоинство правдивости и эстетической вѣрности. Но навѣянное разъ вліяніе вагнеровскаго стиля не проходитъ даромъ; очевидно, что характеръ музыки остается неподдѣльно-національнымъ, пока дѣйствіе вращается въ сферѣ свѣтлой, веселой, пока оно иллюстрируется пляской, живымъ и быстрымъ хоромъ и т. п., — чуть-же драматизмъ осложняется и дѣйствіе принимаетъ глубоко-волнующійся характеръ, струйка щемящей и трогающей, но не русской, меланхоліи пробѣгаетъ по звукамъ и страсть дѣлается говорливѣе, томнѣе, чѣмъ русская грусть, или любовь на распашку. Вліяніе германизма не избѣжала и извѣстная уже москвичамъ варяжская баллада *Рогнѣды*, въ основаніе которой положенъ мотивъ баллады Финна въ *Русланѣ*; первая фраза: *Застонало сине море* необыкновенно мужественна и эффектна, но дальнѣйшее ея развитіе, приходящее къ ряду рѣзкихъ, крикливѣйшихъ нотъ контральта, отнимаетъ у этой пѣсы цѣльный, живой характеръ; неудивительно, что пѣвицы, исполняющія ее, жалуются на сильное утомленіе послѣ пѣнія.—Хораль паломниковъ могъ-бы быть столь-же удобно спѣтъ на вартбургскомъ пѣвческомъ турнирѣ; не лучше-ли было бы, вмѣсто подражанія церковному стилю, избрать образцомъ простодушные напѣвы нашихъ духовныхъ стиховъ, въ родѣ изданныхъ Безсоновымъ въ его *Каликахъ переходныхъ*; простые странники-поселяне, возвращшіеся отъ святыхъ мѣстъ, врядъ-ли пѣли что-либо такое замысловатое.—Но сравнительно со всеми попытками къ усвоенію русскаго стиля положительный шагъ впередъ сдѣланъ г. Сѣровымъ въ новой оперѣ на сюжетъ драмы А. Н. Островскаго *Не такъ живи какъ хочешь*; изъ нея представлено было публикѣ, къ сожалѣнію, только два нумера: гореванье Даши послѣ размолвки съ мужемъ (изъ 1-го акта) и хоровая пѣсня *Широкая масляница*.—Въ *гореваніи* мы впервые слышимъ у автора чисто русское горе, съ причитаньемъ, болѣзненными стопами и всхлипываньями, а въ речитативѣ, завершающемъ пѣсню, гдѣ заговорила въ обманутой женщинѣ гордая страстная ревность, замѣтенъ порывъ къ совершенно своеобразному, русскому речитативу. Веселый же масляничный хоръ открываетъ въ композиторѣ комическій талантъ; главное сказыванье поручено запѣвалѣ (г. Демидовъ), которому приданъ несложный аккомпаниментъ хора, но за то въ оркестрѣ происходятъ истинныя чудеса; это невообразимо-прихотливая

хлопотня, веселость и свѣжесть, мѣняющіяся сообразно съ описываемымъ отцѣтаніемъ масляницы; когда на вопросъ запѣвалы: *Широкая масляница, ты съ чѣмъ уйдешь?* отвѣчается изображеніемъ проводъ масляницы, съ вѣниками, на лубочныхъ саяхъ, съ мочальными возжами, — въ оркестрѣ какъ будто слышится скрипъ полозьевъ и бречанье бубенчиковъ. Замѣчательно, что этотъ нумеръ, не смотря на удачное исполненіе, не смотря также и на заманчивый для массы колоритъ, не былъ встрѣченъ съ такимъ одобреніемъ, какого можно было ожидать. Быть можетъ, тонкіе нервы публики страдали отъ упоминанія на сценѣ «пироговъ и оладей и всякихъ разныхъ сладостей», съ которыми приходитъ масляница. — Въ концертѣ представленъ былъ также образецъ умѣнья оркестровать народные пѣсенные и плясовые мотивы; то были малороссійскія пляски *Тречаники* и *Гопакъ* изъ симфонической пантомимы *Вакула-кузнецъ* (на сюжетъ гоголевой *Ночи на Рождество*); особенно удачно гармонизована первая тема, исполненіе которой попеременно поручено скрипкамъ, кларнетамъ и виолончелямъ, съ постоянно обновляющимся эффектомъ. — Обращаясь къ исполненію, отдадимъ справедливость хорамъ и оркестру, по всей вѣроятности, разучившимъ исполненныя пѣсы подѣ наблюдениемъ композитора, — за непривычное имъ въ послѣдніе годы согласное исполненіе. Г-жа Александрова заслуживаетъ особенной похвалы за глубоко-обдуманную передачу гореванья Даши, къ которому нельзя было подойти съ обычными приемами оперныхъ арій. Г. Демидовъ, вынесшій на своихъ плечахъ съ честью трудный по фразировкѣ речитативъ въ *Широкой масляницѣ*, какъ-бы для контраста убилъ весь смыслъ и значеніе въ предвѣщаніи странника въ кругу паломниковъ, отнявъ механически, мѣрнымъ скандованіемъ стиха и ритма всякій пророческій, прорицательный характеръ у этой пѣсни. — Авторъ былъ много разъ вызванъ и ему поднесли большой лавровый вѣнокъ.

По завершеніи отчета, беремъ смѣлость представить читателю весьма любопытную интермедію. Нашъ краткій отзывъ о сербской фантазіи г. Римско-Корсакова въ № 8 *Антракта* вызвалъ оригинальную филиппику г. Чайковского въ послѣднемъ нумерѣ *Современной летописи*; нашъ оппонентъ, удостоивая насъ впрочемъ чести признанія честнаго и искренняго отношенія къ дѣлу, называетъ тѣмъ не менѣе отзывъ нашъ недоброжелательнымъ и гсрскимъ, укоряетъ въ сообщеніи публикѣ личныхъ впечатлѣній, не подкрѣпленныхъ доводами, въ некомпетентности, — словомъ упражняется въ разнообразнѣйшихъ полемическихъ красотахъ, превозглашая въ заключеніе и фантазію и автора замѣчательными явлениями въ музыкальномъ мірѣ. Критикъ, впрочемъ, врядъ-ли подозрѣвалъ, что своею статьей онъ подкрѣпилъ лишь высказанное нами мнѣніе. Какъ ни парадоксально кажется это, однако вполне справедливо. Сущность нашего сужденія была направлена къ оцѣнкѣ общаго характера пѣсы, имѣющей притязанія на мѣстный, національный колоритъ; той внутренней жизни,

которая согрѣваетъ высшимъ духовнымъ единствомъ все произведеніе и проявляетъ въ себѣ всецѣло субъективность автора, его собственный личный пошибъ, мы не нашли и назвали пѣсу безличной; искали національнаго колорита, который сказывался-бы не въ одномъ избраніи народныхъ мотивовъ, но и въ соответственной ихъ духу обработкѣ (иначе пришлось-бы называть фантазію на русскія темы Тальберга, Куллака, Бейера русской музыкой!) и, употребляя лишь вмѣсто *колоритъ* слово *цѣтъ*, назвали пѣсу безцѣтною; въ произведеніи же, не исключительно симфоническомъ, но задающемся особыми цѣлями, отсутствіе личности и національнаго характера составляло на нашъ взглядъ отсутствіе жизни, такъ какъ пѣса обращается невольно въ контрапунктическое упражненіе, — и мы назвали ее безжизненною. На первое указаніе безличности намъ отвѣчаютъ: «Мы не хотимъ утверждать, чтобы на пути своемъ г. Римскій-Корсаковъ шелъ уже твердою ступью вполне созрѣвшаго таланта. Стиль его еще не опредѣлился; вліяніе Глинки, Даргомыжскаго и подражательность приемамъ г. Балакирева *сказываются на каждомъ шагѣ*». Стало быть, нигдѣ не сказывается одинъ г. Римскій-Корсаковъ, одна его личность, — слѣдовательно, это произведеніе безличное. На второе указаніе безцѣтности намъ говорятъ: «*Не знаемъ, на сколько г. Римскій-Корсаковъ имѣлъ право назвать эту фантазію сербскою. Если мотивы, на которыхъ она построена, дѣйствительно сербскіе, то весьма интересно знать, почему эти мелодіи носятъ на себѣ столь явные признаки вліянія музыки восточныхъ народностей на народное творчество сербовъ*». Любопытное опроверженіе, основанное на *незнаніи!* Можемъ прибавить, что сербскія пѣсни необыкновенно мало носятъ на себѣ слѣдовъ восточнаго характера и, напротивъ, звучатъ первобытными, трогательно-простодушными аккордами древней, коренной славянской пѣсни, не имѣющей ничего общаго съ пѣніемъ турокъ, единственнаго восточнаго народа, съ которымъ въ продолженіи вѣковъ сербы приходили въ сношеніе. Критикъ укоряетъ насъ въ сообщеніи личнаго впечатлѣнія, не подкрѣпленнаго доводами; но при безмѣрной массѣ матеріала, представляемаго концертами, намъ нѣтъ физической возможности распространяться въ газетѣ, не специальной по музыкѣ, о всѣхъ явленіяхъ концертнаго репертуара; мы принуждены останавливаться лишь на болѣе видныхъ изъ нихъ, ограничиваясь относительно остальныхъ краткимъ упоминаніемъ, т. е. тѣмъ, чему придается названіе личнаго впечатлѣнія; что это впечатлѣніе было не личное только, доказательствомъ служитъ оцѣнка пѣсы самою публикой, которую можно развѣ укорить въ излишней тароватости на рукоплесканія и которая тѣмъ не менѣе проводила фантазію гробовымъ молчаніемъ. Судь же публики, которой принадлежитъ первенствующая роль, въ концертномъ исполненіи, не можетъ быть пройдена горделивымъ презрѣніемъ, какъ-то дѣлаетъ въ своей статьѣ г. Чайковскій. Таковы-то были причины краткости нашего отчета; какія же причины мо-

гли побудить г. Чайковского, посвящающаго особую статью защитѣ фантазіи, передавать одни лишь *личныя* впечатлѣнія, извиняясь вдобавокъ предѣлами небольшой газетной статьи? Въ самомъ дѣлѣ, что такое, какъ не личныя впечатлѣнія эти красивыя фразы о темѣ, полной восточной нѣги, о пылкой, огненной плясовой мелодіи, о трудности передать обаятельное впечатлѣніе, производимое гармоническими контрастами и т. д.? Если наши слова, обращенныя къ публикѣ не спеціалистовъ, но диллетантовъ, получили названіе *впечатлѣній*, — то съ другой стороны нельзя же и *нѣгу* изобразить шифрами генераль-баса, или иными теоретическими знаками. — Напомнимъ лучше критику старое, правдивое изрѣченіе: «Врачу, изцѣлися самъ!»

Въ разбираемой статьѣ есть и другія красоты, въ родѣ той фразы, гдѣ повѣствуется, что голосъ серьезной критики впервые послышался лишь три мѣсяца тому назадъ на страницахъ *Русскаго Вѣстника* подъ перомъ г. Лароша. Неужели было бы противно справедливости хотя упомянуть о неутомимой критической дѣятельности г. Сѣрова, подготовившаго своими трудами поле дѣятельности для критиковъ и историковъ музыки новаго поколѣнія?

Но довольно и о остаткѣ, и о піэсѣ. Не имѣемъ ни охоты, ни времени говорить болѣе о произведеніи, за которымъ не признаемъ правъ на особое вниманіе. Г. Чайковскій въ заключеніе напоминаетъ намъ, что авторъ еще юноша, что передъ нимъ цѣлая будущность; охотно принимаемъ это къ свѣдѣнію и заявляемъ нашему оппоненту, что когда силы молодого композитора окрѣпнутъ и возмужаютъ и онъ оправдаетъ какимъ либо замѣчательнымъ произведеніемъ надежды, возлагаемыя на него кружкомъ его друзей, мы первые пойдемъ ему на встрѣчу и отнесемъ къ нему съ тѣмъ же привѣтомъ, съ которымъ встрѣтили и самого г. Чайковского.

Познакомецъ.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ЯПОНЦЕВЪ.

12 марта въ московскомъ Большомъ театрѣ было первое представленіе «знаменитаго» (какъ сказано на афишѣ) японскаго общества «Драконъ».

Японцы очень любятъ акробатическія представленія. Поэтому неудивительно, что представленія эти доведены у нихъ до высокой степени искусства. Общество «Драконъ», первое изъ японскихъ акробатическихъ обществъ, которому дозволено было посѣтить Европу, имѣло огромный успѣхъ и въ Парижѣ, и въ Петербургѣ. И дѣйствительно общество это дѣлаетъ чудеса акробатическаго искусства и притомъ интересъ этихъ представлений увеличивается еще видомъ фізіономій, одежды и приемовъ мало знакомыхъ намъ японцевъ. У нихъ все своеобразно: ихъ лица, костюмы, походка, приемы, даже самые поклоны публикѣ съ вставаньемъ на колѣни и преклоненіемъ головы къ полу, все — кромѣ самыхъ акробатическихъ штукъ, ими выдѣлываемыхъ. Правда — эти штуки доведены до такой степени совершенства,

какой мы не видывали ни у какихъ гимнастовъ, бывшихъ въ Москвѣ, но самыя штуки, которыя дѣлаютъ японцы, въ родѣ тѣхъ, какія мы многократно видѣли у акробатовъ разныхъ странъ. Просмотрѣвъ штуки, дѣлаемыя японцами, даже удивляешься такому сходству: кажется, японцы развивались совершенно своеобразно, а между тѣмъ въ дѣлѣ акробатическомъ они держатся тѣхъ же приемовъ, какъ и акробаты другихъ странъ; штуки тѣже, что дѣлали и акробаты американскіе, и акробаты цирка Дерсена и Гинне, и акробаты театра Раппо и вообще всѣ акробаты, съ тою только разницею, что при выдѣлываніи этихъ штукъ въ ихъ видоизмѣненіяхъ японцы превзошли и европейцевъ и американцевъ. Европейскій, или американскій акробатъ ложится на спину, поднимаетъ ноги къверху и начинаетъ на нихъ вертѣть и подбрасывать или шестъ, или доску, или живаго человѣка, т. е. все предметы тяжелые, съ легко уловимымъ центромъ тяжести; японскій акробатъ ложится точно также на спину, точно также поднимаетъ ноги къверху, только вертѣть и подбрасывать начинаетъ не тяжелый предметъ, а легкую декоративную дверь, съ менѣе уловимымъ центромъ тяжести, Европейскій, или американскій акробатъ ходитъ по канату (или проволоку, все равно), варитъ на немъ яичницу и завтракаетъ, но при этомъ большею частію употребляетъ балансъ, что значительно облегчаетъ акробата, а японка по канату или по проволоку ходитъ или совсѣмъ безъ баланса, или употребляетъ вмѣсто баланса зонтикъ, и поворачивается лицомъ къ публикѣ, т. е. становится поперегъ проволоки, что знатоки акробатическаго дѣла считаютъ верхомъ трудности канатнаго искусства.

Болѣе своеобразности высказывается въ сдѣланныхъ изъ бумаги бабочкахъ (которыя японецъ Тіе Чее Кави заставляетъ летать, какъ живыхъ, вокругъ вѣера, приводя ихъ въ движеніе сотрясеніемъ воздуха, производимымъ тѣмъ же самымъ вѣеромъ) и въ волчкѣ, бѣгающемъ по ниткѣ, другаго японца Линдора Ранцо. Остальные же японцы дѣлаютъ только болѣе трудныя видоизмѣненія уже видѣнныхъ нами штукъ у разныхъ акробатовъ стараго и новаго свѣта. Москвичи оцѣнили искусство японскихъ гостей, наполнивъ сверху до низу Большой театръ на ихъ представленіи. Въ этомъ они поступили не такъ, какъ поступилъ Александръ Македонскій. Когда къ нему привели одного македонскаго воина, который попадалъ стрѣлою въ горошину, въ награду за такое искусство, Александръ велѣлъ выдать этому воину — мѣру гороха. Ну, видно, москвичи болѣе македонскаго героя любятъ разныя кунштштюки и на представленія японцевъ несутъ цѣлыя тысячи мѣръ не только гороха, но даже хлѣба (не смотря на теперешнюю дороговизну его въ Россіи) въ видѣ разныхъ денежныхъ знаковъ, именуемыхъ ассигнаціями.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Артистическій кружокъ.—Драматическіе вечера.—Вызовы и букеты.—
Г. Плещеевъ.—Литературныя стрѣлы и прочее.

Въ № 10 мѣ *Антракта* помѣщена статья г. Плещеева подъ заглавіемъ: «Еще объ Артистическомъ Кружкѣ». Такъ какъ въ этой статьѣ, хотя и украшенной разными сочувственными фразами, заключается прямое и, во всякомъ случаѣ, неблагоприятное для Кружка осужденіе дѣйствій старшинъ его, обвиняемыхъ въ превышеніи власти и деспотическомъ обращеніи съ публикою, то я считаю необходимымъ отозваться слѣдующимъ объясненіемъ, которое прошу помѣстить въ ближайшемъ № *Антракта*.

Распоряженіе, вывѣщенное старшинами въ одинъ изъ послѣднихъ семейныхъ вечеровъ Кружка и возбуждавшее негодованіе г. Плещеева, дѣйствительно заключало въ себѣ слѣдующее: *просятъ не вызывать исполнителей посреди пьесы (т. е. во время дѣйствія), а также не подносить букетовъ безъ особаго разрѣшенія совѣта старшинъ*. Прежде чѣмъ приступить къ разъясненію повода и дѣли, руководившихъ старшинами при составленіи этого объявленія, я буду отвѣчать на первый пунктъ обвиненія, введеного г. Плещеевымъ: имѣютъ ли старшины право сдѣлать какое нибудь распоряженіе, не вывѣсивъ предварительно своего предложенія г. членамъ на осемидневное обсужденіе? Всякое распоряженіе, т. е. полицейская мѣра, указаніе на извѣстный порядокъ въ Кружкѣ, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ вызвано обстоятельствами непредвидѣнными, внезапно слагающимися, и слѣдовательно нѣтъ никакой возможности даже и думать о предварительномъ вывѣшиваніи *предложенія*. Распоряженіе впрочемъ и не обусловливаетъ необходимости *предложенія*. Измѣненіе какой нибудь статьи устава конечно не можетъ быть сдѣлано безъ *предложенія*, то есть безъ совѣта и согласія г. членовъ, но полицейская власть безспорно и всецѣльно принадлежитъ старшинамъ. Старшины не простые исполнители воли и приказаній г. членовъ, какъ объясняетъ г. Плещеевъ, потому что въ такомъ случаѣ общество могло бы управляться само собою, то есть, собираясь еженедѣльно въ полномъ своемъ составѣ, отдавать приказанія по текущимъ дѣламъ одному или двумъ наемныхъ управляющимъ или, пожалуй, выбраннымъ отъ себя членамъ; но тогда уже эти исполнители воли общества не могли бы называться старшинами, а должны бы носить какой нибудь другой титулъ, напримеръ, *служающаго*, или что нибудь въ этомъ родѣ. Старшины суть выборные люди, которымъ общество довѣрилось, поручило извѣстную распорядительную власть и которые, въ качествѣ представителей, стоятъ въ главѣ общества. Они суть первые между равными (*primi inter pares*). Инициатива всего полезнаго и разумнаго должна идти отъ нихъ; это не только неотъемлемое право старшинъ, но ихъ прямая обязанность. Отнять у старшинъ право на инициативу значитъ тоже, что разжаловать ихъ, и

такого рода желаніе г. членовъ повело бы за собою извращеніе даже смысла самого слова: *старшина*. Какъ бы ни были либеральны и чала, на которыхъ видѣется управленіе какимъ нибудь государствомъ или обществомъ, но во главѣ какъ того, такъ и другаго всегда стоятъ выборные представители, указывающіе массѣ, руководящіе ею и наблюдающіе за всѣмъ, что только можетъ служить къ пользѣ и преуспѣванію общественнаго дѣла. Въ чемъ тутъ деспотизмъ? И развѣ распоряженіе, сдѣланное не однимъ лицомъ, а большинствомъ избранныхъ самимъ обществомъ представителей, можетъ считаться самоуправствомъ? Что старшины обязаны подчиняться уставу и не уклоняться отъ него ни въ какомъ случаѣ,—это и справедливо, и разумно. Но уставъ, повторяю еще разъ, ни однимъ изъ своихъ параграфовъ не возбраняетъ старшинамъ постановить какое нибудь правило и возвѣстить о немъ членамъ (даже и не предупредивъ ихъ заранѣе); только бы такое новое правило не противорѣчило самому уставу и цѣлямъ общества. Относительно того, какимъ образомъ одно случайное обстоятельство во можетъ потребовать немедленнаго распоряженія со стороны старшинъ, я позволю себѣ привести слѣдующій примѣръ.

Предположимъ, что г. Н. или Д. или В.,—шутникъ и весельчакъ, является въ Кружокъ вооружившись букетомъ, и до свѣдѣнія старшинъ доходитъ, что букетъ этотъ предназначенъ къ поднесенію миловидной г-жѣ Х., исполняющей выходящія, почти безсловныя роли. Очевидно, что публичное поднесеніе букета такому лицу, которое даже не можетъ считаться не только талантливой, но и какой бы то ни было артисткой (хотя бы и любительницей), неминуемо влечетъ за собою весьма непріятный скандалъ. Какъ поступить въ подобномъ случаѣ? Шутникъ В. (или Н. или Д.) на замѣчаніе старшинъ о неумѣстности, неприличіи такого поднесенія и о бездарности лица, которому назначенъ букетъ, отвѣчаетъ, что онъ съ мнѣніемъ г. старшинъ не согласенъ и признаетъ г-жу Х. несомнѣннымъ талантомъ, въ ознаменованіе чего и жертвуетъ ей свой невинный даръ. Что должно воспослѣдовать? Приходится или самовластно и безправно распорядиться запрещеніемъ г-ну В. (или Н. или Д.) поднести приготовленный букетъ (математически доказать присутствіе таланта или его отсутствіе—дѣло невозможное), или допустить это поднесеніе, равняющееся скандалу! Спрашивается, не лучше ли въ подобномъ случаѣ, требующемъ отъ старшинъ *немедленнаго* распоряженія, обратиться ко всему обществу съ просьбою признать разъ навсегда постановленнымъ правиломъ, чтобы *отдѣльныя личности* не имѣли права подносить букеты? Разрѣшеніе совѣта старшинъ въ этомъ случаѣ представляетъ собою не ограниченіе или стѣненіе воли общественной, а только обузданіе произвола отдѣльныхъ личностей, желающихъ шуткой или дурнымъ умысломъ повредить успѣху общаго дѣла. Выраженіе «разрѣшеніе совѣта старшинъ», особенно не понравившееся г. Плещееву, напротивъ обусловливало и утверждало за обществомъ право

наградить бурею того изъ участвующихъ, кого оно признаетъ достойнымъ, съ тѣмъ, чтобы такимъ образомъ награда была дана именно *обществомъ*, а не *однимъ* лицомъ; въ словѣ «*советъ старшинъ*» мы до сихъ поръ видимъ равносильное слову *общество*, такъ какъ советъ старшинъ есть собраніе избранныхъ обществомъ представителей. Впрочемъ старшины, согласно съ мнѣніемъ поданнымъ однимъ изъ нихъ, Н. А. Поповымъ, — въ тотъ же вечеръ изъявили готовность, въ угодность нѣкоторымъ недовольнымъ, намѣнить редакцію объявленія въ такомъ смыслѣ, чтобы замѣнить выраженіе: «разрѣшеніе совета старшинъ» словами «не иначе, какъ по предложенію гг. членовъ, въ числѣ 25-ти лицъ».

Уставъ Артистическаго Кружка (§ 53) даетъ ея шинамъ право разрѣшить *вопросы* и дѣлать *постановленія* простымъ большинствомъ голосовъ, и уже на этомъ основаніи въ такомъ распоряженіи, каково настоящее, нельзя видѣть ни малѣйшаго превышенія власти; наконецъ, если довѣріе отъ лица общества къ его старшинамъ предвидѣно самымъ уставомъ, даже въ такой мѣрѣ, что старшины могутъ расходовать общественныя деньги суммою до 300 руб., если признаютъ это полезнымъ, *безъ сознанія съ гг. членами*, то неужели же можно лишать старшинъ права издать какое нибудь постановленіе, которое, по имъ убѣжденію, вполне полезно, цѣлесообразно и даже необходимо? Но мнѣнію г. Плещеева, выходитъ, что и такія распоряженія, каковы: объявленія о некурении до такого-то часа, или просьба не разговаривать громко въ читальной комнатѣ, также должны подвергаться предварительной баллотировкѣ!

Запрещеніе, или, вѣрнѣе сказать, просьба о прекращеніи публичною страннаго обычая вызывать исполнителей среди дѣйствія, основано въ Кружкѣ на весьма естественномъ желаніи, чтобы начинающіе артисты не развлекались во время исполненія. Кромѣ того, вызовъ при поднятомъ занавѣсѣ вообще нарушаетъ иллюзію и служитъ помѣхой представленію. Не худо бы, еслибъ и въ императорскихъ театрахъ прекратилась эта непонятная мода, которая почему-то привилась въ такихъ размѣрахъ только у насъ въ Россіи и противъ которой возстаютъ всѣ образованные зрители и даже сами артисты. Это, полагаю, не требуетъ доказательствъ. Что касается до поднесенія букетовъ, то, какъ выраженіе особеннаго восторга, какъ овація, значеніемъ своимъ превышающая значеніе обыкновенныхъ вызововъ, или аплодисментовъ, оно представляетъ въ Кружкѣ слѣдующее неудобство.

Артистическій Кружокъ, приступая къ осуществленію одной изъ своихъ цѣлей, къ устройству въ своемъ помѣщеніи постоянныхъ драматическихъ упражненій, предварительно входилъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ихъ къ г. министру императорскаго двора, при чемъ изложилъ свои предначертанія въ такомъ смыслѣ, что предполагаемые семейные драматическіе вечера будутъ имѣть *воспитательный характеръ*, т. е. что Кружокъ поставитъ

себѣ въ обязанность практически развивать, образовывать и готовить артистовъ для сцены. Въ виду такой благой цѣли, г. министръ двора разрѣшилъ Кружку постоянныя драматическіе вечера, а согласно съ этимъ г. директоръ императорскихъ театровъ также съ своей стороны выразилъ полнѣйшее свое сочувствіе къ учрежденію въ Кружкѣ такого рода упражненій. Такимъ образомъ, члены Кружка и вообще всѣ, кому дорога польза этого учрежденія, наконецъ всякій, кто одушевленъ истинною любовью къ искусству, должны видѣть въ драматическихъ вечерахъ Кружка не одну только праздную забаву, а главнѣйшимъ образомъ ихъ образовательное значеніе. Объ этомъ, если не ошибаюсь, было уже заявлено и въ *Антрактѣ*.

Разсматривая дѣло въ такомъ смыслѣ и видя въ подмосткахъ, устроенныхъ при Кружкѣ, не подмостки настоящаго театра, а сцену, поставленную для практическихъ упражненій учениковъ въ дѣлѣ драматическаго искусства, общество, составляющее Кружокъ, *само собою*, и не по волѣ старшинъ, а по собственному убѣжденію, должно придти къ тому заключенію, что поднесеніе букетовъ представляетъ несомнѣнный вредъ. Школа, консерваторія не можетъ дозволить никакихъ овацій со стороны зрителей, потому что оваціи портятъ учениковъ, раздражая ихъ самолюбіе, увлекаая въ излишнюю самонадѣянность, поражая зависть, интриги и т. п. Всякій согласится съ тѣмъ, что вызовы *постыжась* и аплодисменты составляютъ обычное, условное выраженіе удовольствія, совершенно *привычное* для всякихъ исполнителей и потому не слишкомъ раздражительно дѣйствующее на умы юныхъ талантовъ; но поднесеніе букета (или тѣмъ болѣе подарка) есть знакъ особеннаго отличія, награда не въ примѣръ прочимъ и тутъ результатъ совершенно иной.

Какъ завѣдующій драматическими вечерами Кружка и какъ режиссеръ, я не довольствовался своимъ личнымъ взглядомъ на этотъ предметъ и мнѣніемъ моихъ товарищей по службѣ въ Кружкѣ, но отнесся съ вопросомъ по этому поводу къ самимъ участвующимъ въ драматическихъ вечерахъ, и всѣ они нашли, что подача букетовъ, какъ и всякія излишнія оваціи, дѣйствительно могутъ быть только тормазомъ къ развитію ихъ дарованій.

Члены Кружка и посѣщающіе его вечера не имѣютъ никакого основанія предполагать въ старшинахъ, обратившихся съ просьбою къ публикѣ по этому случаю, желаніе *стѣснить свободу общества* и конечно убѣдятся въ томъ, что тутъ зрителей стѣсняетъ и удерживаетъ не произвольная прихоть старшинъ, а само дѣло, его смыслъ и его цѣль. Всякая консерваторія налагаетъ подобныя стѣсненія на посѣтителей и никто еще не вздумалъ роптать на это. Поясняю еще одно обстоятельство, чтобы не оставить ничего недосказаннымъ. Объявленіе на счетъ вызововъ и букетовъ было подписано въ началѣ тремя старшинами, а не четырьмя, какъ бы слѣдовало, потому только, что одинъ изъ насъ, Н. А. Поповъ, опоздалъ пріѣхать, но съ распо-

ряженіемъ онъ былъ заранѣе согласенъ и въ слѣдъ за тѣмъ подписалъ его. Что касается до старшины князя Ю. Н. Голицына, то мы, его товарищи, не могли предложить ему подписать бумаги, потому что его въ Кружкѣ не было; онъ пріѣхалъ только къ концу вечера. Князь А. И. Урусовъ отказался подписаться подъ распоряженіемъ остальныхъ старшинъ.

Если старшины *постыжили* вывѣсить объявленіе за подписью троицхъ только изъ своей среды, то во вниманіе къ такому обстоятельству, котораго разоблачить они не въ правѣ, но къ предотвращенію котораго необходимо было принять ту мѣру, какая выражена въ распоряженіи Сверхъ того старшины считали совершенно ненужнымъ *мотивировать* свое распоряженіе потому, что полагали его и безъ того понятнымъ для гг. членовъ и ни мало не подающимъ повода къ какимъ бы то ни было кривымъ толкамъ и сплетнямъ.

Въ заключеніе этого, и безъ того уже слишкомъ длиннаго письма позволю себѣ обратиться къ г. Плещееву еще съ однимъ вопросомъ: какая цѣль его выноски, въ которой онъ говоритъ, что, «распоряженіе «старшинъ можетъ быть кассированно предложеніемъ, «подписаннымъ 25-ю членами и что, слѣдовательно, такимъ путемъ всегда возможно поднести букетъ?» — Да, г. Плещеевъ, но тогда букетъ будетъ поднесенъ по желанію 25-ти лицъ, а не по прихоти одного, а въ этомъ-то вся и сила! И, наконецъ, что побудило г. Плещеева предавать дѣло гласности, когда и безъ того всякая несправедливость старшинъ, всякая ихъ мѣра, несоотвѣтствующая цѣлямъ Кружка, или противная желаніямъ его членовъ, можетъ быть немедленно уничтожена семейнымъ образомъ, въ стѣнахъ Кружка, законнымъ путемъ, указаннымъ уставомъ, то есть предложеніемъ 25-ти недовольныхъ членовъ? Почему же въ этомъ случаѣ распоряженіе старшинъ не было кассировано *seance tenante*? Стало быть не нашлось 25-ти недовольныхъ членовъ? Гласность вещь хорошая, но только тамъ, гдѣ она обличаетъ и караетъ проступки, злоупотребленія, а вѣдь тутъ и похожаго на это нѣтъ. Вывѣска какого нибудь объявленія отъ старшинъ не есть деспотическое приказаніе, а такъ сказать *приглашеніе*, или мнѣніе, которое предлагается на усмотрѣніе общества и которому гг. члены всегда властны подчиниться, или не подчиниться. Стоять ли по этому поводу писать статьи, хотя и смягченныя по тону увѣреніями въ полнѣйшей благонамѣренности, но имѣющія все-таки характеръ обличительный? Вѣдь все, что высказывается теперь печатно, могло бы объясниться и устроиться простымъ совѣщаніемъ членовъ съ старшинами, а право всякая статья или, еще хуже, полемика, касающаяся Кружка и его дѣлъ, — могутъ только вредить ему. Читающая публика, даже и разобравши кто правъ и кто виноватъ, все таки въ концѣ концовъ скажетъ: «Богъ съ ними! Ужъ этотъ Кружокъ! Вѣчныя исторіи!...» Ну и прощай Кружокъ! Намъ, членамъ его, тѣмъ страннѣе слышать отъ г. Плещеева столько сочувственныхъ фразъ Кружку, когда мы знаемъ и помнимъ, что онъ

въ бытность свою старшиною, кромѣ печальнаго равнодушія къ интересамъ этого учрежденія, ничего не выказывалъ.

Я не желаю скрываться подъ завѣсой таинственности, которую г. Плещеевъ накидываетъ на мою личность, называя меня «*должностнымъ лицомъ*», и потому, не обвиняясь, объявляю, что обѣщаніе написать сильное возраженіе на всякую статью, имѣющую появиться противъ распоряженія старшинъ, было сдѣлано мною; при чемъ дѣйствительно мною было произнесено слово: *строичить*, которое я употребилъ, говоря о нѣкоторыхъ любителяхъ литературныхъ упражненій, придирающихся къ матѣйшему вздору, чтобъ только составить газетную статейку. Упомянуть объ этомъ г. Плещееву впрочемъ было не къ чему, такъ какъ это было говорено мною въ частномъ разговорѣ, а не официально, но не смотря на то, я съ удовольствіемъ готовъ пояснить, что именно я хотѣлъ сказать словомъ: «*строичить*». Я появляю и употребилъ это выраженіе въ самомъ тѣсномъ его смыслѣ *Строичить*, то есть, набирать *строики*, слагать и накапливать возможно большее количество ихъ, съ цѣлью... ну, очень понятно съ какою цѣлью: строчки представляютъ собою копѣйки, а множество копѣекъ представляетъ собою рубли!... Слово это конечно не могло относиться и не относилось къ г. Плещееву, но развѣ нѣтъ у насъ такихъ литературныхъ стрѣльцовъ, которые бьютъ во все и вся ради составленія возможно болѣе объемистой статьи и къ которымъ это слово вполне прилагается?

Смѣю еще увѣрить г. Плещеева въ томъ, что въ высказанной мною рѣшимости не оставлять безъ отвѣта готовившуюся статью, быть можетъ, выразилась излишняя съ моей стороны самонадѣянность и увѣренность въ убѣдительности моихъ доводовъ, но *угрозы* никакой не было и быть не могло. Наравнѣ съ г. Плещеевымъ, я способенъ понимать, что убѣждать и переубѣждать людей можно единственно путемъ доказательствъ и что слово — не кулакъ, и перо — не палка.

Старшина Артистическаго Кружка Н. Вильде.

ОТВѢТЪ НА ПИСЬМО Г. ВИЛЬДЕ (*).

Я никакъ не могу согласиться съ мнѣніемъ г. Вильде относительно гласности, которая будто бы «хороша только тамъ, гдѣ она караетъ проступки и злоупотребленія.» Я думаю, что задача гласности не обличать только, но и разбѣяснять всякіе спорные вопросы, недоразумѣнія, и обсуждать общественныя явленія, какого бы они свойства ни были, а потому и рѣшаюсь возразить на

(*) Редакція *Антракта*, не желая отдалать окончанія моего спора съ г. Вильде по поводу Артистическаго Кружка и снисходя на просьбу мою, какъ постоянного сотрудника этой газеты, представила мнѣ статью г. Вильде въ корректуру, что и дало мнѣ возможность напечатать отвѣтъ мой въ томъ же самомъ номерѣ и не переносить его въ какую нибудь другую газету.

его письмо, заключающее въ себѣ, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ правильныя сужденія о поднятомъ вопросѣ. Впрочемъ, спѣшу оговориться, что это будетъ мое послѣднее слово, по поводу происшествія, о которомъ идетъ рѣчь; ибо оно все таки не до такой степени важно, чтобы о немъ вести продолжительную полемику. Меня побуждаетъ къ отвѣту еще и то обстоятельство, что г. Вильде въ своей замѣткѣ сдѣлалъ одинъ намекъ, касающійся лично меня. Объясненію личному я постараюсь, конечно, дать въ своемъ отзывѣ какъ можно меньше мѣста.

Возражаю г-ну Вильде по пунктамъ, слѣдя за каждымъ положеніемъ въ его отзывѣ.

Соглашаясь исполнѣ съ г. Вильде, что полицейская власть безспорно принадлежитъ старшинамъ и что бывають случаи непредвидѣнныя, требующіе немедленнаго полицейскаго мѣропріятія, мы однако-же позволяемъ себѣ думать, что эти случаи относятся къ категоріи такъ называемыхъ *скандаловъ*, или, по крайней мѣрѣ, неприличныхъ поступковъ, нарушающихъ общепринятыя обычаи. Здѣсь ничего подобнаго не было (но объ этомъ послѣ).

Г. Вильде говоритъ, что старшины не простые исполнители воли и приказаній (слова «приказаній» у меня въ статьѣ нѣтъ; оно навязано мнѣ моимъ оппонентомъ), потому что иначе общество могло бы *управляться само собою*, отдавая приказанія наемнымъ управляющимъ, или *услужавшимъ*, какъ выразился г. Вильде. «Какъ бы ни были либеральны начала,» продолжаетъ онъ, «на которыхъ зиждется управленіе государствомъ или обществомъ, но во главѣ того или другого стоятъ выборные представители, указывающіе массѣ, руководящіе ею» и т. д... Совершенно справедливо; дѣйствительно стоятъ, но тѣмъ не менѣе общество все таки *управляется само собою*. Одно другому не противорѣчитъ. Есть даже и слово иностранное *Selfgovernment*; т. е. самоуправленіе. Самоуправленіе и заключается въ томъ, что общество выбираетъ само изъ среды своей должностныхъ лицъ, облакая ихъ довѣріемъ и властью, но въ тоже время неуспѣшно контролируя эту власть и не давая ей перешагнуть за извѣстную черту, опредѣленную закономъ. «Развѣ распоряженіе, сдѣланное старшинами, выбранными обществомъ, можетъ назваться самоуправствомъ?» спрашиваетъ г. Вильде. Смотря по тому, какое распоряженіе. Если оно противорѣчитъ уставу, то конечно можетъ. «Инициатива *всего разумнаго* и *хорошаго* должна идти отъ старшинъ,» продолжаетъ г. Вильде, «и отнять у старшинъ право инициативы немыслимо.» Это тоже вѣрно и отнимать у нихъ инициативу никто не станетъ (хотя инициатива можетъ также точно идти отъ каждаго изъ членовъ, отъ нихъ тоже этого права отнять нельзя, инициатива монополіей старшинъ быть не можетъ), но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы всякая инициатива, идущая отъ старшинъ, была непременно *разумна* и *хороша*. Всякая мѣра, имѣющая характеръ законодательный, всякое нововведеніе, расширяющее или ограничивающее права членовъ Клуба, по чьей бы инициативѣ онѣ ни возникли, должны быть

обсуждаемы самими членами (какъ обсуждаются парламентскіе биллы). «Уставъ» говоритъ г. Вильде «ни однимъ § не возбраняетъ старшинамъ постановить какое нибудь правило, даже и не предупредивъ членовъ заранѣе.» «Я укажу г. Вильде на § 68 устава, требующій, чтобы каждое предложеніе и извѣщеніе старшинъ было въ теченіе 8 дней выставлено членамъ и погомъ баллотировано. Г. Вильде дѣлаетъ еще слѣдующій выводъ изъ нѣкоторыхъ статей устава: если старшинамъ дозволяется расходовать 300 р безъ совѣщанія, то неужели можно лишить ихъ права издавать постановленія, признаваемые ими необходимыми? Я тутъ, признаюсь, не вижу никакого соотношенія между тѣмъ и другимъ. Если мы выбираемъ изъ среды своей старшинъ, то очевидно, что мы считаемъ ихъ людьми *честными*, которые не стануть бросать на вѣтеръ общественныя деньги, что привело бы къ разоренію клуба. Какъ же не довѣрять каждому изъ нихъ затрату 50 р. (старшинъ всѣхъ 6)? По моему мнѣнію, слѣдовало бы разрѣшить старшинамъ затраты еще большей суммы, тѣмъ болѣе, что вѣдь эта затрата гѣлается хотя и безъ совѣщаній съ членами, но все-таки же не безотчетно. Каждый членъ можетъ въ концѣ года видѣть изъ книгъ, куда пошли деньги. Но довѣрять какому-нибудь лицу свои деньги, члены въ то же время вовсе не хотѣли бы (какого бы они ни были высокаго понятія о честности и умѣ даже этого лица), чтобы оно за нихъ думало и само рѣшало, не посовѣтовавшись съ ними, дѣла, отъ которыхъ зависятъ преуспѣяніе всего Клуба. За всякую разумную мѣру, за всякую хорошую инициативу члены всегда скажутъ старшинамъ спасибо, но терять свое участіе въ дѣлахъ все-таки могутъ и не желать. Что касается до такихъ мѣръ, какъ запрещеніе говорить въ читальнѣ и курить, гдѣ дамы, то, во-первыхъ, это чисто полицейскія мѣры, направленные противъ неприличія, т. е. противъ нарушенія обычаевъ, принятыхъ въ обществѣ, а стѣсненіями ихъ назвать нельзя. Необходимость ихъ очевидна. Значитъ, тутъ напротивъ ограждается право читающихъ. Разговоры мѣшаютъ читать; для разговоровъ есть много комнатъ кромѣ читальни, тамъ разговаривающіе не стѣсняются. А куренье при дамахъ считается невѣжливостью. Но если бы *всѣ дамы*, находящіяся въ клубѣ, разрѣшили мужчинамъ курить и стали бы курить сами, то старшины, кажется, не могли бы воспрепятствовать и этому и счесть это за неуваженіе къ себѣ. Не Клубокъ для старшинъ, а старшины для Клуба. Г. Вильде говорить далѣе, что старшины посѣщали вывѣсить объявленіе для предупрежденія одного обстоятельства, котораго они разоблачить не могутъ. Но мысль о вредѣ поднесенія букетовъ очевидно должна была явиться у нихъ именно тогда, когда букеты были въ первый разъ поднесены, т. е. въ предшествовавшій объявленію драматическій вечеръ. Что же имъ мѣшало вывѣсить ихъ объявленіе тогда же послѣ этого вечера? Такимъ образомъ оно оставалось бы вывѣшеннымъ ровно недѣлю, какъ это и требуется уставомъ. Мотивировать, по словамъ г. Вильде,

они не сочли нужнымъ свою мѣру потому, что считали ее и безъ того слишкомъ понятною и не могущею возбудить кривыхъ толковъ и сплетенъ. Но предположите, что кто нибудь приготовилъ бы букетъ какой-нибудь исполнительницѣ, и притомъ даровитой, и вдругъ бы ему передъ спектаклемъ сказали: вы не имѣете права подносить букета. Онъ бы конечно возразилъ: — Но вѣдь прошлый разъ подносили же? И почему же это запрещено? Какъ вы думаете, не могло бы это дать поводъ предполагаемому подносителю букета объяснить мѣру старшинъ личною противъ него или противъ исполнительницы? Вотъ и пошли бы сплетни, толки, пересуды... пропѣлась бы арія донъ Базиліо «Colunnia». Мы узнаемъ изъ отзыва г. Вильде, что старшины, согласно съ мнѣніемъ Н. А. Попова, въ тотъ же вечеръ изъявили готовность измѣнить редакцію объявленія и замѣнить слова: *безъ разрѣшенія совѣта старшинъ* — словами: *не иначе, какъ по предложенію гг. членовъ въ числѣ 25 лицъ*. Вотъ если бы это измѣненіе состоялось тогда же, было бы гораздо яснѣе члѣмъ именно вызвана мѣра старшинъ. Къ сожалѣнію, это измѣненіе, не смотря на готовность старшинъ, не состоялось и черезъ три дня я видѣлъ на стѣнѣ все ту же, прежнюю редакцію. Этимъ измѣненіемъ притомъ значительно умѣрилась бы стѣснительность предложенной мѣры, вслѣдствіе которой воспрещалось *вовсе* подносить букеты, какъ *одному* лицу, такъ и *коллективно*, *безъ особаго разрѣшенія старшинъ*. Наконецъ г. Вильде спрашиваетъ, почему распоряженіе старшинъ не кассировано *seance tenante*? Стало быть не нашлось 25 недовольныхъ членовъ? Извините г. Вильде, я отвѣчу на это: послѣ спектакля дѣйствительно нѣсколько членовъ изъявило желаніе написать предложеніе о томъ, чтобы новая мѣра старшинъ была подвергнута баллотировкѣ. Составился черновой проектъ этого предложенія. Дѣйствительный членъ кружка А. И. Лукинъ отправился въ контору, чтобы дать его переписать и выложить для подписи членовъ, какъ это обыкновенно дѣлается. Но въ конторѣ ему сказали (онъ объявилъ объ этомъ также во всеуслышаніе), что старшины запретили бухгалтеру переписывать какія бы то ни было предложенія. Весьма вѣроятно, что это распоряженіе еще раньше сдѣлано было старшинами вслѣдствіе того, что бухгалтеръ заваленъ работой и что лишнихъ рукъ нѣтъ для переписки предложеній, но тѣмъ не менѣе, это обстоятельство повело къ замедленію, и когда г. Лукинъ сталъ переписывать самъ, нѣкоторые разѣхались, но все таки я видѣлъ къ концу вечера нѣсколько подписей подъ этимъ предложеніемъ. Но если мѣра старшинъ не кассирована *de jure seance tenante*, то она кассирована *de facto* на послѣднемъ драм. вечерѣ, гдѣ *вся публика*, вопреки запрещенію старшинъ, вызвала посреди пѣсы одного изъ исполнителей. Не знаю, заключается ли въ этомъ протестъ, или просто публика до того увлеклась прекрасной игрой г. Макшѣва, что совсѣмъ забыла о запрещеніи. Если допустить

послѣднее, то значить, что всѣ распоряженія подобнаго рода безсильны передъ восторгомъ.

Въ концѣ статьи г. Вильде противорѣчить себѣ: онъ говоритъ, что вывѣска какого-нибудь объявленія отъ старшинъ не есть какое нибудь приказаніе, а *приглашеніе, мнѣніе* которое предназначается на усмотрѣніе членовъ и которому они властны и подчиниться и не подчиниться. Но вѣдь самъ же г. Вильде въ началѣ своей статьи отстаиваетъ право старшинъ запрещенія въ извѣстныхъ случаяхъ, право полицейскихъ мѣръ, и эту новую мѣру ставитъ наравнѣ съ запрещеніемъ курить и читать въ библіотекѣ (не находя тутъ ничего деспотическаго), т. е. не требующей не только баллотировки, но и никакого простаго совѣщанія. Что предлагается на усмотрѣніе и чему властны не подчиняться, то баллотировать. Если здѣсь рѣчь о формѣ, т. е. о томъ, что въ этомъ объявленіи сказали *«просить покорнѣе»* а не прямо *«воспрещается»*, то кому же неизвѣстно, что въ послѣднее время даже въ официальныхъ служебныхъ отношеніяхъ выработались болѣе мягкія формы и что слово «запрещено» замѣняется хоть, напр., словами: «желательно, чтобы этого не было и проч. Но тѣмъ не менѣе служащіе знаютъ, что это равносильно запрещенію. Что же касается до мнѣнія г. Вильде, что не стоило печатать статью по этому поводу, что все могло быть улажено простымъ совѣщаніемъ и что всякая печатная статья можетъ только вредить Кружку, то я держусь положительно противнаго мнѣнія. Въ изустномъ совѣщаніи, во первыхъ, всего не выскажешь; рѣдко удастся со всѣхъ сторонъ обсудить предметъ; печатное же слово требуетъ большей обдуманности, сосредоточенности. Многіе аргументы во время спора, и особенно горячаго спора, могутъ ускользнуть и представляются вамъ ужъ потомъ. Это во первыхъ. Во вторыхъ, чтобы ни толковали о какомъ-то патріархальномъ, семейномъ началѣ въ клубахъ, оно тамъ немыслимо... Какая это семья изъ 200 человекъ, которыхъ большая часть незнакома другъ съ другомъ! Тутъ и чужое самолюбіе легко раздражить, и личности пожалуй какія нибудь прилетутся, и еще того и гляди ссора произойдетъ; такъ что въ концѣ концовъ къ соглашенію только и можетъ привести баллотировка. И какое же тутъ семейное совѣщаніе, когда приходится нерѣдко слышать: «если это предложеніе пройдетъ, я откажусь отъ своихъ обязанностей, или я выйду изъ членовъ, приплюбилетъ назадъ... это неуваженіе къ членамъ; это неуваженіе къ старшинамъ и т. д.» Клубъ всегда останется клубомъ, хотя бы у него цѣли были самыя прекрасныя, и о семейности и патріархальности тутъ говорить нечего. Гласное же обсужденіе того, что происходитъ въ немъ, можетъ, напротивъ послужить, къ преуспѣванію его. Въ Артистическомъ Кружкѣ не происходитъ ничего такого, что бы его заставляло бояться гласности. А тѣ господа, которые во всякомъ печатномъ обсужденіи какого нибудь вопроса видятъ непременно исторію, значить еще стоять на не очень высокомъ уров-

нѣ пониманія вещей, и я не знаю, почему мнѣнїе такихъ господъ должно привести кружокъ къ гибели. Къ гибели могутъ привести только такія дѣйствія, въ которыхъ замѣчалось бы уклоненіе отъ цѣлей Кружка, напримѣръ, еслибы картежная игра или билліардъ вытѣснили спектакли, музыку и литературу, или, наконецъ, еслибы въ Кружкѣ происходили скандалы, допускались неприличіе и т. п. Спокойствіе членовъ кажется ничѣмъ не нарушается, если появится о Кружкѣ статья, которую великій воленъ прочесть и не прочесть. Неужели всѣмъ учрежденіямъ, дѣйствія которыхъ обсуждаются гласно, грозитъ гибель? Дѣятельность Артистическаго Кружка *публичная* (это не домашній очагъ, котораго святость и неприкосновенность не подлежитъ спору), а стало быть и публичное обсужденіе этой дѣятельности *дозвоительно* и — прибавлю я отъ себя — *даже желательна*. До сихъ поръ было говорено только о томъ, *въ правѣ* ли были старшины безъ баллотировки сдѣлать известное распоряженіе; теперь нужно сказать два слова о томъ, въ какой степени самое поднесеніе букетовъ вредно. Прежде всего я долженъ сознаться, что еслибы старшины предложили на обсужденіе членовъ, согласно правиламъ устава, вопросъ, слѣдуетъ ли допустить поднесеніе букетовъ отъ одного лица, или только коллективное, то я бы положительно былъ за послѣднее. Я соглашаюсь съ г. Вильде, что случай, который онъ предполагаетъ съ гг. В., Н. или Д., возможенъ и что поднесеніе букета бездарности равняется скандалу; но если старшины желали предупредить подобные случаи, то должны были сдѣлать — повторяю опять — распоряженіе тотчасъ послѣ того, какъ въ Кружкѣ въ первый разъ поднесли букеты, а не спустя недѣлю и не внезапно, передъ самымъ спектаклемъ. Въ прошедшей моей замѣткѣ я высказался за поднесеніе букетовъ, но и не думалъ отрицать, что коллективное поднесеніе всегда лучше. Въ этомъ смыслѣ даже я и сдѣлалъ выноски, о которой спрашиваетъ меня г. Вильде, съ какой цѣлью я ее сдѣлалъ. Изъ ней онъ могъ видѣть, что я совершенно одобряю этотъ способъ поднесенія букетовъ; но онъ привелъ только начальныя слова ея, а послѣднія отъ себя обратилъ ко мнѣ же! Моими же словами г. Вильде убѣждаетъ меня, что въ томъ-то и сила, что букетъ поднесенъ не по прихоти одного. Къ этому то, говоритъ г. Вильде, и вело распоряженіе старшинъ. — Да, въ измѣненной редакціи, да, но не въ прежней, гдѣ безъ разрѣшенія старшинъ *никому* не дозволялось подносить букеты (значитъ ни одному лицу, ни коллективно). Вотъ поэтому-то я и сказалъ въ выноскѣ, что такое распоряженіе можетъ быть всегда кассировано, если 25 человекъ захотятъ поднести букетъ. Но довольно объ этомъ. Съ чѣмъ я не могу согласиться и, думаю, не согласится большинство часть членовъ, такъ это со взглядомъ г. Вильде на драматическіе вечера Кружка, въ которыхъ онъ видитъ одни ученическія упражненія и одну исключительную цѣль подготовки учениковъ къ сценѣ и потому дѣлаетъ при Кружкѣ какую то школу драматическаго искусства, консерваторію, выражая при

этомъ желаніе подчинить сцену Артистическаго Кружка, сообразно такой цѣли, школьной или консерваторской дисциплинѣ. Вслѣдствіе этого г. Вильде и приходитъ къ тому результату, что поднесеніе букетовъ вредно дѣйствуетъ на учениковъ, портитъ ихъ, раздуваетъ самолюбіе и т. д. Хотя, дѣйствительно, на вечерахъ Кружка, участвуютъ экстерны воспитанники (что конечно весьма хорошо и о чемъ было уже говорено въ *Антракти*), но однакоже это никакъ не можетъ быть единственной и исключительной цѣлью драматическихъ вечеровъ Кружка (полагаемъ, что за ученическія упражненія взывать съ публики по два руб. нельзя). Они должны имѣть образовательное значеніе, но не въ такомъ тѣсномъ смыслѣ. Въ драматическихъ вечерахъ Кружка участвуютъ не одни ученики, но и любители, даровитые и опытные, сочувствующіе искусству, но вовсе не думающіе поступить на сцену. Отсутствіе традиціонной рутинѣ въ ихъ игрѣ можетъ благотворно дѣйствовать не на однихъ учениковъ. При строгомъ выборѣ пьесъ и при художественномъ ихъ исполненіи, эти вечера могутъ доставлять публикѣ большое эстетическое наслажденіе и, слѣдовательно, развивать вкусъ. Можетъ быть даже нѣкоторые опытные актеры и актрисы могутъ подъ часъ кое-чѣмъ позаниматься отъ иныхъ любителей. Всего же важнѣе тутъ по нашему мнѣнію, *направленіе репертуара*, которое можетъ главнѣйшимъ образомъ способствовать развитію вкуса и благотворно дѣйствовать на нравственную, духовную сторону зрителя. Мы убѣждены въ великомъ значеніи искусства, а потому вѣрнемъ въ благотворность его вліянія. Если публика полюбитъ серьезныя художественныя произведенія, научится цѣнить ихъ, то едва ли и на *настоящихъ* театрахъ будутъ возможны *Селенные пороги*, *Гражданскіе браки* и т. п. явленія. Вотъ гдѣ образовательное значеніе сцены Кружка, который долженъ руководить массу, а никакъ не потворствовать ей. Упражнять же учениковъ въ такихъ водевиляхъ, какъ *Съѣздили перепутались* и *разъѣхались*, или *Тайна женщины*, или *Пансіонерка*, или *Бурное утро* — въ этомъ еще большой пользы нѣтъ. — До сихъ поръ учениковъ собственно мы мало и видѣли. Всѣ главныя роли исполняются любителями и любительницами, уже прежде пробовавшими свои силы на любительскихъ театрахъ, и этихъ любителей испортить поднесеніемъ букетовъ нельзя. Есть между участвующими и такіе, которымъ на сценѣ императорскихъ театровъ безчисленное множество разъ подносились букеты, какъ, напр., г-жа Горохова. Кого женужно предохранять отъ порчи? Г-жи Мочалина, Николаева, Селезнева и г. Гецманъ и Сампелевъ — вотъ всѣ экстерны, которыхъ мы до сихъ поръ видѣли. Нѣтъ, мы не можемъ смотрѣть на драматическія вечера Кружка, какъ на ученическія упражненія, и желали бы отъ души, чтобы они не оставались въ этихъ тѣсныхъ границахъ. Образовательное значеніе ихъ должно быть гораздо шире, хотя подготовка экстерновъ къ сценѣ можетъ также быть одною изъ цѣлей этихъ спектаклей, но не *единственной* и не *исключительной*.

Въ заключеніе отвѣчна обвиненіе, взводимое на меня г. Вильде. Онъ утверждаетъ, что въ бытность мою старшиной Арт. Кружка, я, кромѣ *печальнаго равнодушія* къ интересамъ этого учрежденія, ничего не выказывалъ и что вѣдѣствіе этого странно слышать отъ меня сочувственныя фразы Кружку, т. е. другими словами г. Вильде хочетъ сказать, что я ничего не дѣлалъ на пользу Кружка. На это я могу только возразить, что я дѣлалъ то, что было въ моихъ средствахъ и силахъ и что дѣлалъ тогда другіе, каждый въ своей спеціальности... Я принималъ участіе въ литературныхъ вечерахъ, на которыхъ читалъ, когда отъ меня желали этого, являлся на совѣщанія старшинъ и подавалъ свой голосъ, гдѣ было нужно, дежурилъ (хотя, признаюсь иногда манкировалъ отчасти по нездоровью, отчасти потому, что у меня были занятія, не позволявшія мнѣ всецѣло посвятить себя Кружку; объ этомъ я впрочемъ заявлялъ при вступленіи въ должность, отъ которой сначала хотѣлъ отказаться, что можетъ засвидѣтельствовать А. Н. Островскій, убѣждавшій меня не дѣлать этого), имѣлъ наблюденіе надъ бібліотекой — и только. Больше ничего я не могъ дѣлать. Являться каждый день въ 7 часовъ и проводить цѣлый вечеръ за картами, или бильярдомъ я не считалъ нужнымъ, потому что не видалъ отъ этого пользы для Кружка, да и въ карты и на бильярдѣ не играю. Но печальное равнодушіе къ Кружку, признаться, дѣйствительно вкралось въ мою душу, потому что въ немъ заключалось тогда значительное уклоненіе отъ его прямыхъ цѣлей, въ чемъ онъ былъ впрочемъ не совсѣмъ виноватъ, какъ это уже высказано мною въ *Антрактѣ* въ статьѣ моей, взвѣтной г. Вильде и подписанной: *Членъ Кружка* (Сочувствіе къ Кружку, выраженное мною въ этой статьѣ, не показалось страннымъ г-ну Вильде... Тамъ о дѣйствіяхъ старшинъ не говорилось). Спектакли не были еще разрѣшены, многіе исполнители вовсе отказывались отъ участія въ вечерахъ, другіе исполняли за деньги... Карты и домино-лото преобладали. Полагаемъ, что и г. Вильде если-бъ онъ былъ тогда старшиной, не сдѣлалъ бы многого.. А. Н. Островскій и П. М. Садовскій, которыхъ никто не упрекнетъ въ равнодушіи къ Кружку, тоже ограничивали тогда свою дѣятельность тѣмъ, что читали на литературныхъ вечерахъ и являлись на совѣщанія. Больше другихъ обнаруживали дѣятельности гг. Герберъ и Рахмановъ, такъ какъ на первомъ лежала обязанность организовать музыкальные вечера, а другой завѣдывалъ кассой и хозяйственной частью. — Одно только могу и сказать, что я не подписывалъ своего имени ни подъ какими стѣснительными или нарушающими уставъ декретами и никогда не приходилъ въ негодованіе ни отъ какого печатнаго отзыва о дѣйствіяхъ старшинъ. А ужъ какъ доставалось тогда Кружку! Не одобряя рѣзкости тона нѣкоторыхъ изъ этихъ отзывовъ, я все таки не могъ не согласить-

ся, что много было высказано справедливыхъ замѣчаній Кружку. Но такъ какъ не въ моихъ силахъ было исправить дѣло, то я и облекся въ броню «печальнаго равнодушія». Я сильно сомнѣваюсь, что печатное равнодушіе къ Кружку не чуждо было и самому г. Вильде въ то время. Иначе онъ бы чаще принималъ участіе въ чтеніяхъ Кружка. А то онъ кажется читалъ всего одинъ разъ (свою комедію *Въ глуши*, если не ошибаюсь). Истинное сочувствіе его Кружку выразилось только съ тѣхъ поръ, какъ тамъ начались спектакли, и я охотно сознаюсь что онъ дѣлаетъ гораздо больше (имѣя и большее число средствъ) чѣмъ дѣлалъ я, когда былъ старшиной.

Все эти объясненія смѣшны и неинтересны для публики, но я вызванъ на нихъ обвиненіемъ г. Вильде, считающимъ меня не вправѣ заявлять свое сочувствіе «цѣлямъ Кружка, выраженнымъ въ уставѣ» (это мое подлинное выраженіе, которое г. Вильде замѣнилъ просто «сочувствіемъ Кружку» (Еслибъ я не сочувствовалъ этимъ цѣлямъ, то кто же бы велѣлъ мнѣ оставаться членомъ Кружка? Я бы могъ сдѣлаться членомъ всякаго другаго клуба. Но чѣмъ болѣе Артистическій Кружокъ стремится къ осуществленію этихъ цѣлей, тѣмъ болѣе я ему сочувствую, чѣмъ болѣе уклоняется отъ нихъ, тѣмъ сочувствіе мое уменьшается. Я даже и первую замѣтку мою написалъ изъ сочувствія къ Кружку, потому что, по моему мнѣнію, всякія произвольныя дѣйствія могутъ уронить его въ общемъ мнѣніи. Г. Вильде, полагающій, что печатныя статьи о Кружкѣ только вредятъ ему, естественно могъ прийти къ заключенію, что я отношусь къ нему недоброжелательно. Оставляя въ сторонѣ каламбуръ, сдѣланный г. Вильде изъ глагола *строить*, я позволю себѣ только сказать въ защиту несчастныхъ *стрѣльцовъ*, къ которымъ относились, по увѣренію почтеннаго старшины, слова его, что вѣдь не одиѣ обличительныя статейки пишутся изъ за рублей... Пишутся изъ нихъ и комедіи и стихотворенія.... Такой нынче матеріальный вѣкъ.

А. Плещевъ.

С М Ъ С Ъ.

Говорятъ, что на нынѣшней Святой недѣлѣ будутъ разрѣшены спектакли на московскихъ театрахъ. Этому слуху мы вѣримъ тѣмъ болѣе, что въ Петербургѣ русскіе спектакли уже начинаются съ четверга Святой недѣли.

Князю Ю. Н. Голицыну разрѣшено давать въ Москвѣ съ его капеллою духовные концерты изъ церковной православной музыки. Подобное разрѣшеніе въ первый разъ дано частному человѣку. Князь Голицынъ просилъ это дозволеніе дать ему во вниманіе 25 лѣтнихъ занятій его пѣвческими хорами.

Редакторъ В. Родиславскій.
Издатель А. Пономаревъ.